

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта»
Олимпиада школьников «Будущее с нами» 2015-2016 уч.г.
Задания очного этапа

Литература

11 класс

II тур

Общее время выполнения работы — 240 минут (4 часа)

Задание. Напишите краткое литературоведческое исследование на тему «**Музыка в поэзии XX века: темы, мотивы, образы**». Используйте при построении собственной научной концепции предложенные фрагменты из художественных произведений, а также самостоятельно выбранные примеры.

Количество баллов: 35.

СМЫЧОК И СТРУНЫ

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.

«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звеня, но, ластясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?...»
И скрипка отвечала да,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.

И. Анненский, 1908

СКРИПКА И НЕМНОЖКО НЕРВНО

Скрипка издергалась, упрашивая,
и вдруг разревелась
так по-детски,

что барабан не выдержал:
«Хорошо, хорошо, хорошо!»
А сам устал,
не дослушал скрипкиной речи,
шмыгнул на горящий Кузнецкий
и ушел.
Оркестр чужо смотрел, как
выплакивалась скрипка
без слов,
без такта,
и только где-то
глупая тарелка
вылязгивала:
«Что это?»
«Как это?»
А когда геликон —
меднорожий,
потный,
крикнул:
«Дура,
плакса,
вытри!» —
я встал,
шатаясь, полез через ноты,
сгибающиеся под ужасом попитры,
зачем-то крикнул:
«Боже!»,
бросился на деревянную шею:
«Знаете что, скрипка?
Мы ужасно похожи:
я вот тоже
ору —
а доказать ничего не умею!»
Музыканты смеются:
«Влип как!
Пришел к деревянной невесте!
Голова!»
А мне — наплевать!

Я — хороший.
«Знаете что, скрипка?
Давайте —
будем жить вместе!
А?»»

В. Маяковский, 1914

КОЕ-ЧТО ПО ПОВОДУ ДИРИЖЕРА

В ресторане было от электричества рыжо.
Кресла облиты в дамскую мягкость.
Когда обиженный выбежал дирижер,
приказал музыкантам плакать.

И сразу тому, который в бороду
толстую семгу вкусно нес,
труба — изловчившись — в сытую морду
ударила горстью медных слез.

Еще не успел он, между икотами,
выпихнуть крик в золотую челюсть,
его избитые тромбонами и фаготами
смяли и скакали через.

Когда последний не дополз до двери,
умер щекою в соусе,
приказав музыкантам выть по-зверьи —
дирижер обезумел вовсе!

В самые зубы туше опоенной
втиснул трубу, как медный калач,
дул и слушал — раздутым удвоенный,
мечется в брюхе плач.

Когда наутро, от злобы не евший,
хозяин принес расчет,
дирижер на люстре уже посиневший
висел и синел еще.

В. Маяковский, 1915

МАЭСТРО

Н. Л. Сверчкову

В красном фраке с галунами,
Надушенный, встал маэстро,
Он рассыпал перед нами
Звуки лёгкие оркестра.

Звуки мчались и кричали,
Как виденья, как гиганты,
И металась в гулкой зале,
И роняли бриллианты.

К золотым сбегали рыбкам,
Что плескались там, в бассейне,
И по девичьим улыбкам
Плыли тише и лилейней.

Созидали башни храмам
Голубеющего рая
И ласкали плечи дамам,
Улыбаясь и играя.

А потом с весёлой дрожью,
Закружившись вокруг оркестра,
Тихо падали к подножью
Надушенного маэстро.

Н. Гумилев, 1907

Я — КОМПОЗИТОР

Я — композитор: под шум колес
Железнодорожных —
То Григ, то Верди, то Берлиоз,
То песни острожных.

Я — композитор: ведь этот шум
Метрично-колесный
Рождает много певучих дум
В душе монстриозной.

Всегда в лазори, всегда в мечтах
Слагаю молитвы.

Я — композитор: в моих стихах
Чаруйные ритмы.

И. Северянин, 1912

В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа.
Нам пели Шуберта — родная колыбель!
Шумела мельница, и в песнях урагана
Смеялся музыки голубоглазый хмель!
Старинной песни мир — коричневый, зеленый,
Но только вечно-молодой,
Где соловьиных лип рокошующие кроны
С безумной яростью качает царь лесной.
И сила страшная ночного возвращенья —
Та песня дикая, как черное вино:
Это двойник — пустое привиденье —
Бессмысленно глядит в холодное окно!

О. Мандельштам, 1918

Годами когда-нибудь в зале концертной
Мне Брамса сыграют, — тоской изойду,
Я вздрогну, я вспомню союз шестисердый,
Прогулки, купанье и клумбу в саду.

Художницы робкой, как сон, крутолобость,
С беззлобной улыбкой, улыбкой вздохом,
Улыбкой, огромной и светлой, как глобус,
Художницы облик, улыбке и лоб.

Мне Брамса сыграют, — я вздрогну, я сдамся,
Я вспомню покупку припасов и круп,
Ступеньки террасы и комнат убранство,
И брата, и сына, и клумбу, и дуб.

Художница пачкала красками траву,
Роняла палитру, совала в халат
Набор рисовальный и пачки отравы,
Что «Басмой» зовутся и астму сулят.

Мне Брамса сыграют, — я сдамся, я вспомню
Упрямую заросль, и кровлю, и вход,
Балкон полутемный и комнат питомник,
Улыбку, и облик, и брови, и рот.

И сразу же буду слезами увлажен
И вымокну раньше, чем выплачусь я.
Горячая давность ударит из скважин,
Околицы, лица, друзья и семья.

И станут кружком на лужке интермеццо,
Руками, как дерево, песнь охватив,
Как тени, вертеться четыре семейства
Под чистый, как детство, немецкий мотив.
Б. Пастернак, 1931

МУЗЫКА

Дом высился, как каланча.
По тесной лестнице угольной
Несли рояль два силача,
Как колокол на колокольню.

Они тащили вверх рояль
Над ширью городского моря,
Как с заповедями скрижалей
На каменное плоскогорье.

И вот в гостиной инструмент,
И город в свисте, шуме, гаме,
Как под водой на дне легенд,
Внизу остался под ногами.

Жилец шестого этажа
На землю посмотрел с балкона,
Как бы ее в руках держа
И ею властвуя законно.

Вернувшись внутрь, он заиграл
Не чью-нибудь чужую пьесу,
Но собственную мысль, хорал,
Гуденье мессы, шелест леса.

Раскат импровизаций нес
Ночь, пламя, гром пожарных бочек,
Бульвар под ливнем, стук колес,
Жизнь улиц, участь одиночек.

Так ночью, при свечах, взамен
Былой наивности нехитрой,
Свой сон записывал Шопен
На черной выпилке попитра.

Или, опередивши мир
На поколения четыре,

По крышам городских квартир
Грозой гремел полет валькирий.

Или консерваторский зал
При адском грохоте и треске
До слез Чайковский потрясал
Судьбой Паоло и Франчески.
Б. Пастернак, 1956

ГРАМОФОННАЯ ПЛАСТИНКА

I

Июнь, июль, пройди по рынку,
Найди в палатке бой и лом
И грамофонную пластинку
Погрей пожарче за стеклом.
В трубу немую и кривую
Пластмассу черную сверни,
Расплавь дорожку звуковую
И время дай остыть в тени.
Поостеречься бы, да поздно:
Я тоже под иглой пою
И все подряд раздам позвездно,
Что в кожу врезано мою.

II

Я не пойду на первое свиданье,
Ни в чем не стану подражать Монтану,
Не зарыдаю гулко, как Шалапин.
Сказать — скажу: я полужил и полу — казалось
— жил,
и сам себя прошляпил.
Уймите, ради Бога, радиолу!
А. Тарковский, 1957, 1963

МАЗУРКА ШОПЕНА

Какая участь нас постигла,
как повезло нам в этот час,
когда бегущая пластинка
одна лишь разделяла нас!

Сначала тоненько шипела,
как уж, изъятый из камней,
но очертания Шопена
приобретала всё слышней.

И забирала круче, круче,
и обещала: быть беде,
и расходились эти круги,
как будто круги по воде.

И тоненькая, как мензурка
внутри с водицей голубой,
стояла девочка — мазурка.
покачивая головой.

Как эта, с бледными плечами,
по-польски личиком бела,
разведала мои печали

и на себя их приняла?

Она протягивала руки
и исчезала вдалеке,
сосредоточив эти звуки
в иглой исчерченном кружке.
Б. Ахмадулина, 1958

МУЗЫКА

Симону Чиковани

Вот ноты звонкие органа
то порознь вступают,
то вдвоем,
и шелковые петельки аркана
на горле
стягиваются
моим.
И музыка передо мной танцует гибко,
и оживает все
до самых мелочей:
пылинки виноватая улыбка
так красит глубину ее очей!
Ночной комар,
как офицер гусарский, тонок,
и женщина какая-то стоит,
прижав к груди стихов каких-то томик,
и на колени падает старик,
и каждый жест велик,
как расстоянье,
и веточка умершая
жива, жива...
И стыдно мне за мелкие мои
старанья
и за
непоправимые слова.
...Вот сила музыки.
Едва ли
попоришь с ней бездумно и легко,
как будто трубы медные зазвали
куда-то горячо и далеко...

И музыки стремительное тело
плывет,
кричит неведомо кому:
"Куда вы все?!"
Да разве в этом дело?!"
А в чем оно? Зачем оно? К чему?!"
...Вот черт,
как ничего еще не надоело!
Б. Окуджава, 1962

РОМАНС СКРИПАЧА (из поэмы «ШЕСТВИЕ»)

Тогда, когда любовью с нами нет,
Тогда, когда от холода горбат,
Достань из чемодана пистолет,
Достань и волокиты его в ломбард.

Купи на эти деньги патефон
И где-нибудь на свете потанцуй,
(В затылке нарастает перезвон)
Ах, ручку патефона поцелуй.

Послушайте совета скрипача,
Как следует стреляться сгоряча:
Не в голову, а около плеча!
Не в голову, а около плеча!

На блюдечке я сердце понесу
И где-нибудь оставлю во дворе.
Друзья, ах догадайтесь по лицу,
Что сердце не отыщется в дыре,

Проделанной на розовой груди...
И только патефоны впереди,
И только струны, струны-провода,
И только в горле красная вода.
И. Бродский, 1961

ФЛЕЙТА ВРЕМЕНИ

О времени прохожий сожалеет
не прожитом, но пройденном вполне,
и музыка подобна тишине,
а сердца тишины печаль не одолеет,

ни шум шагов, бесформенный и плоский...
Над площадью, заросшею травой, —
гвардейского дворца высокий строй,
безумной флейты отголоски.

Бегут козлоподобные войска.
Вот Марсий-прапорщик,
играющий вприпрыжку,
вот музыка — не отдых, но одышка,
вот кожа содранная — в трепете флажка!

Прохожий, человек партикулярный,
парада прокрадется стороной...
Но музыка, наполняясь тишиной,
как насекомое в застылости янтарной,

движенье хрупкое как будто сохраняет,
хотя движенья лишена...
Прохожему — ремни и времена,
а здесь возвышенная флейта отлетает!

И зов ее, почти потусторонний,
ее игла, пронзающая слух,
в неслышном море бабочек и мух,
на грядах рекрутов, посаженных в колонны,

царит и плачет — плачет и царит...
И музыки замшелый черный ствол
в прохожего занозою вошел,
змеей мелодии мерцающей обвит.
В. Кривулин, 1972

